БЛИЖАЙШАЯ

НРАВСТВЕННАЯ ОБЯЗАННОСТЬ

РУССКАГО ОБЩЕСТВА.

(Миръ во имя разума и совѣсти).

Кн. Алексѣя Оболенскаго.

МОСКВА
Типо-литогр. Русскаго Т-ва Печатнаго и Издательскаго дѣла.
Мытищинскій пер., собств. домъ

БЛИЖАЙШАЯ

НРАВСТВЕННАЯ ОБЯЗАННОСТЬ

РУССКАГО ОБЩЕСТВА.

(Миръ во имя разума и совѣсти).

Кн. Алексѣя Оболенскаго.

МОСКВА
Типо-литогр Русскаго Т-ва Печатнаго и Издательскаго дѣла.
Мыльниковъ пер., собств. домъ.

17

5/8
38

ОЦИФРОВАНО

55705

Ближайшая нравственная обязанность русскаго общества.

I.

Свершается судъ Божій.

Жизнь цивилизованнаго міра раскрыла воочію свою ложь и несостоятельность, приведя къ всемірной войнѣ, къ взаимному истребленію и разрушенію народовъ. Жизнь эта привела къ такому концу не потому только и не просто потому, что была жизнью порочной, была міромъ со всяческимъ зломъ. Пока зло не истребилось въ мірѣ и „міръ во злѣ лежитъ", до тѣхъ поръ и жизнь міра во всякомъ случаѣ не можетъ быть совершенной. Но въ жизни культурныхъ государствъ послѣдняго времени предъ войной была та особенность, что рядомъ съ заботами объ исключительно матеріальной сторонѣ жизни, рядомъ съ экономическимъ притѣсненіемъ или даже порабощеніемъ неимущихъ, рядомъ съ господствомъ явнаго людоѣдства въ принципахъ международной политики шло необычайное развитіе техническаго прогресса, небывалый успѣхъ въ этой области. При такихъ условіяхъ торжество техники, ея побѣда надъ природой могли послужить лишь къ укрѣпленію и къ утвержденію злой жизни міра, и техническія завоеванія вели, если не прямо

къ кажущемуся оправданію этого зла, то, во всякомъ случаѣ, прикрывали жестокую основу жизни, давая средства и способы для внѣшняго благоустройства и видимаго довольства. Если бы такое положеніе вещей могло упрочиться, то это означало бы не только безнадежность дальнѣйшаго нравственнаго подъема человѣчества, но и полную безсмысленность самаго историческаго процесса.

Въ самомъ дѣлѣ, что, напр., могло бы быть нелѣпѣе закрѣпленія навсегда съ одной стороны спующихъ по всему міру праздныхъ людей въ автомобиляхъ, танцующихъ танго и утопающихъ въ особой современной роскоши—на фонѣ тщеславія, комфорта и культа собственнаго тѣла, а съ другой — громаднаго большинства, лишеннаго всего этого, рабочаго люда, смотрящаго на богатыхъ съ завистью и съ ненавистью, рабочихъ, желающихъ и для себя такого же богатства и такого же пользованія имъ? Или какое было бы безуміе сохраненіе на вѣчныя времена націоналистической вражды, международнаго коварства и ненависти съ накопленіемъ все болѣе и болѣе технически совершенныхъ орудій истребленія и разрушенія?

Таково, однако, приблизительно было положеніе культурныхъ народовъ до войны. Ясно, что при неподвижности такихъ условій сама дальнѣйшая жизнь человѣчества теряла смыслъ.

Положеніе это, конечно, и не могло продолжиться. Катастрофа разразилась. Спокойствіе такъ-называемой нормальной жизни рушилось тамъ, гдѣ должно

было рухнуть—въ мѣстѣ наименьшаго сопротивленія и наибольшаго количества накопившихся лжи, обмана и ненависти—въ сферѣ международной, въ сферѣ возведеннаго въ принципъ національнаго эгоизма*).

Однако война, возникшая, казалось, внезапно и неожиданно, какъ реакція на то, что можно назвать миромъ со зломъ, сама несла возможность нѣкотораго добра. Оно и показалось, но только въ самомъ началѣ; успѣло лишь вспыхнуть и быстро затѣмъ утонуло въ томъ особомъ культѣ націоналистической ненависти, который обратилъ эту войну въ безсмысленную и безцѣльную бойню.

Какъ это и не кажется страннымъ, при самомъ началѣ войны всѣ воюющіе народы съ обѣихъ сторонъ, повидимому, совершенно искренно почувствовали глубокое оскорбленіе своему національному достоинству, почувствовали, что на нихъ несправедливо и коварно нападаютъ. У всѣхъ проснулся сильный и отчасти неожиданный патріотизмъ. Внутреннія распри и раздоры временно утихли и люди рѣшили жертвовать своимъ достояніемъ и своею жизнью на благо родины. „Жизнь людей въ стра-

*) Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ начала войны пишущій эти строки такъ характеризовалъ смыслъ совершающихся событій: „Прогрессъ техническій, матеріальная культура и забота о вещественномъ матеріальномъ благѣ подавляли и въ сознаніи и въ жизни духовную сторону человѣка. Борьба не видная, но жестокая и безпощадная и всяческія стремленія людей протекали почти исключительно въ этой низменной области. Поистинѣ человѣчество пеклось о хлѣбѣ единомъ, чѣмъ не можетъ жить человѣкъ. Духовный ростъ не соотвѣтствовалъ матеріальному и случился надломъ". „День печати" 9 февраля 1915 г.

нахъ воюющихъ приподнялась, выбилась изъ омертвѣлаго покоя, въ какомъ была и стала протекать на высшихъ тонахъ человѣческихъ чувствъ и стремленій“ *). Во всемъ этомъ было добро, но оно, къ несчастью для человѣчества, пошло не на доброе дѣло. Война не была понята, какъ слѣдствіе дурной жизни всѣхъ, а только какъ дѣло коварства своихъ враговъ. Воюющіе народы съ особымъ усердіемъ проникались сознаніемъ пороковъ своихъ противниковъ, съ особой настойчивостью сосредоточивались на созерцаніи ихъ злодѣйствъ; точно боясь растерять скопившуюся ненависть, запрещалось всякое указаніе на человѣческія черты у враговъ и всякое доброе слово о врагахъ считалось актомъ измѣны. Писатели, ученые и громадное большинство образованныхъ людей придумывали особую идеологію, долженствовавшую оправдать безпощадность этой войны, возводящую ее на степень величайшаго подвига. Всѣ, казалось, совершенно забыли тотъ простой фактъ, что всякая война, какова бы ни была ея цѣль, все-таки остается великимъ бѣдствіемъ, и что это вовсе не есть взглядъ принципіальныхъ пацифистовъ, а основаніе самой элементарной нравственности, признаваемой людьми, вполнѣ допускающими необходимость войны въ исключительныхъ случаяхъ. Между тѣмъ, если при продолжающейся недолго дракѣ еще можно добросовѣстно думать, что кто-то одинъ затѣялъ ее

*) „День печати“ 9 февраля 1915 г.

и одинъ ея виновникъ, то когда люди, считающіе себя образованными, культурными, и въ другихъ отношеніяхъ почтенными, непрерывно дерутся три съ половиною года и столько же времени ненавидятъ другъ друга,—должно быть для всякаго ясно, что виноваты обѣ стороны. Но признать эту очевидную истину мѣшаю и мѣшаетъ до сихъ поръ чувство болѣзненно-обострившагося національнаго самолюбія.

И вотъ разразившееся надъ цивилизованнымъ міромъ бѣдствіе,—не простой урокъ, а грозное предупрежденіе,—не только не заставило людей опомниться, но само обращено было въ орудіе такихъ же матеріалистическихъ и низменныхъ цѣлей. „Все для войны", „Война до побѣды". А для чего побѣда?—Побѣда для того, чтобы завладѣть Константинополемъ и проливами—для насъ; сокрушить германскій флотъ и устранить навсегда германскую торговую конкуренцію—для Англіи, отобрать отъ Германіи Эльзасъ и Лотарингію и тѣмъ осуществить давно лелѣянный revanche—для Франціи; захватить австрійскія земли, гдѣ преобладаютъ Италіанцы, и немного еще такихъ земель, гдѣ Италіанцы не преобладаютъ, но которыя необходимы для округленія границъ или для стратегическихъ цѣлей—для Италіи; не потерять чего-нибудь въ этомъ безумномъ патискѣ—для Америки; и, вѣроятно, чтобы ослабить бѣлую расу—для Японіи; а для Германіи побѣда нужна, чтобы обезпечить себѣ спокойное развитіе такого торговаго и военнаго могущества, при кото-

ромъ никогда и ни у кого и въ помыслахъ не было бы нападать на культурнѣйшую изъ культурныхъ странъ—Германію, а она спокойно и властно могла бы работать, торговать и богатѣть, эксплоатируя весь міръ въ свою пользу.

Если на минуту отрѣшиться отъ чувствъ національнаго самолюбія и спросить себя по совѣсти такъ, какъ насъ будутъ судить послѣдующія поколѣнія какой смыслъ въ побѣдѣ съ чьей-либо стороны при такихъ цѣляхъ войны? Какое можетъ быть добро отъ торжества любой изъ воюющихъ сторонъ? Кажется придется сказать, что ни добра ни смысла тутъ не будетъ.

Правда, цѣли эти съ нашей стороны, по крайней мѣрѣ, были, особенно вначалѣ, прикрыты сознательной и безсознательной неправдой, которой, впрочемъ, искренно вѣрили многіе. Цѣлью войны объявлялась борьба съ германскимъ милитаризмомъ—источникомъ всѣхъ золъ и болѣзней, борьба противъ „нѣмецкаго рабства, которое сильнѣе татарскаго придушитъ насъ и нашихъ дѣтей и внуковъ“, борьба за свободу мелкихъ народностей, а для Россіи въ частности за самостоятельность, независимость и объединеніе Польши, за освобожденіе славянъ изъ-подъ Австрійскаго ига, борьба за вѣчный миръ и пр.

Между тѣмъ, большинство этихъ мотивовъ вовсе не были высказаны до войны, а явились оправданіемъ уже начатыхъ военныхъ дѣйствій. Такъ, Правительство Россіи весьма мало заботилось о самостоятельности Польши до войны и хотя дѣйстви-

тельно заступилось за мелкую Сербскую народность, но весьма равнодушно относилось къ подвластнымъ ей самой мелкимъ народностямъ. Да и въ заступничествѣ за Сербію была весьма большая примѣсь чистаго противодѣйствія Австріи и желанія разложенія Габсбургской монархіи Далѣе, едва ли можетъ быть доказано, что Германія при всемъ своемъ милитаризмѣ есть единственная въ мірѣ милитаристическая держава и что даже съ полнымъ уничтоженіемъ Германіи (что явно невозможно) охота обижать и притѣснять слабыхъ сосѣдей уничтожится у всѣхъ прочихъ государствъ и у всего человѣчества. Да и самое уничтоженіе войной, т.-е. силой оружія, manu militari милитаризма не будетъ ли служить явнымъ доказательствомъ силы и торжества самаго этого побѣдоноснаго милитаризма, тогда какъ окончаніе войны безъ побѣды силою оружія съ чьей-либо стороны скорѣй докажетъ крушеніе милитаризма? Затѣмъ нельзя же серьезно думать, чтобы люди образованные и просвѣщенные, говорящіе о какомъ-то нѣмецкомъ рабствѣ, худшемъ татарскаго, дѣйствительно въ это вѣрили; они просто желали возбудить къ продолженію борьбы, отлично понимая, что никакого рабства Германіи не надо, что для нѣмецкихъ фабрикантовъ и купцовъ важно не притѣсненіе народовъ, а, напротивъ, ихъ преуспѣяніе и богатство, чтобы было кому покупать нѣмецкій товаръ. Точно такъ же всѣ эти лозунги о „свободѣ народовъ“, „торжествѣ демократическихъ началъ“, не оказывая рѣшительно

никакого вліянія на практическую политику воюющихъ странъ, очевидно годились для отвода кому-то глазъ и въ дѣйствительныхъ цѣляхъ войны не играли никакой роли.

Было бы несправедливо утверждать, что всѣмъ повторявшимъ общепринятые лозунги войны были ясны ихъ ложь и несостоятельность. Вражда и ненависть, поддерживаемыя и культивируемыя, требовали оправданія чѣмъ-нибудь высшимъ и лучшимъ, чѣмъ международный грабежъ, и люди, сильнѣе чувствующіе, чѣмъ думающіе (а такихъ всегда большинство), ухватывались за готовыя формулы, старались въ нихъ вѣрить и тѣмъ успокаивать свою совѣсть. Но правительства воюющихъ странъ и люди посвященные отлично понимали, что даже осуществленіе всѣхъ этихъ высокихъ цѣлей на самомъ дѣлѣ никого не удовлетворитъ, что „воробья на мякинѣ не проведешь“ и народы въ послѣднемъ счетѣ потребуютъ реальнаго добра, т.-е матеріальнаго блага. Доказательствомъ того, что именно такъ думали и такъ понимали положеніе дѣла правительства, служатъ секретные договоры, которыми опредѣлялись именно реальныя пріобрѣтенія и тѣ части территоріи, какія союзники должны были захватить у врага послѣ побѣды. Эти договоры заключались въ то время, когда на словахъ говорилось о высокихъ, идеальныхъ и безкорыстныхъ цѣляхъ войны. Ясно, что правительства не этимъ словамъ придавали значеніе, а тому, что опредѣлялось въ секретныхъ договорахъ.

Однако весьма скоро тайныя соглашенія и договоры о разныхъ будущихъ выгодахъ стали проникать въ широкіе круги общества, гдѣ встрѣчены были не безъ удовольствія. Выгоды эти могли наступить только послѣ побѣды, а потому и въ крикахъ „до побѣднаго конца“ все менѣе и менѣе звучала не павшая вѣра въ идеальные лозунги войны, а простой матеріальный расчетъ.

А сколько разъ въ теченіе этихъ несчастныхъ лѣтъ войны судьба давала случаи и поводы измѣнить отношеніе къ войнѣ, признать, наконецъ, и свою вину и внести умиротворяющую ноту въ этотъ разгулъ корысти и ненависти!

Когда же одинъ изъ предсѣдателей Совѣта Министровъ объявилъ въ Гос. Думѣ и Гос. Совѣтѣ о соглашеніи съ союзниками касательно Константинополя и затѣмъ прибавилъ, что теперь русскій народъ будетъ знать, за что онъ жертвуетъ жизнью, и когда это заявленіе не только не вызвало негодованія ни съ чьей стороны, а, напротивъ того, встрѣчено было аплодисментами въ Законод. Палатахъ и явнымъ выраженіемъ радости и въ обществѣ и печати,—тогда стало очевиднымъ, что русское образованное общество принимаетъ на себя вмѣстѣ съ Правительствомъ всю отвѣтственность за открытое и безстыдное лицемѣріе и международный грабежъ, на который свободно соглашается въ крикахъ „до побѣднаго конца“. Тогда стало яснымъ, что бѣдствія войны еще недостаточны, чтобы заставить людей опомниться, и что намъ

предстоятъ еще большія и тягчайшія испытанія. Эти испытанія не замедлили наступить и падаютъ нынѣ прежде всего на Россію, страну съ наименѣе крѣпкой государственной организаціей*).

Когда было заявлено, что русскій народъ долженъ умирать для отобранія отъ турокъ Константинополя, что, въ свою очередь, необходимо для того, чтобы никогда, ни при какихъ условіяхъ и никѣмъ не могла быть нарушена торговля хлѣбомъ южной Россіи,—то забыта была маленькая подробность:—согласится ли русскій народъ на самомъ дѣлѣ умирать за это, да и справедливо ли его къ тому принуждать? Вѣдь итти на смерть изъ-за матеріальной выгоды едва ли даже похвально Если эта матеріальная выгода предстоитъ отечеству, то хотя со стороны любящаго свою родину отдавать свою жизнь за это болѣе чѣмъ извинительно, но едва ли простительно со стороны принуждающихъ

*) Слѣдуетъ оговориться, что, хотя негодованія на слова А. Ф. Трепова (того Предсѣдателя Совѣта, о которомъ идетъ рѣчь) дѣйствительно никто не заявлялъ, но правильную оцѣнку этихъ словъ сдѣлали многіе. Однако кромѣ соціалистовъ публично противъ принятыхъ взглядовъ на войну говорилъ, кажется, лишь одинъ нашъ бывшій посолъ въ Соединенныхъ Штатахъ бар. Розенъ въ рѣчи въ Гос. Совѣтѣ и затѣмъ писалъ въ газетныхъ статьяхъ. Его весьма интересныя мысли и чрезвычайно практическіе совѣты къ скорѣйшему окончанію войны совмѣстно съ союзниками заслуживали бы самаго серьезнаго вниманія. Но они по существу даже вовсе не обсуждались и не опровергались ни въ печати, ни, повидимому, въ офиціальныхъ кругахъ За то самъ бар Розенъ сдѣлался предметомъ всяческой клеветы, что случалось почти со всякимъ, дерзавшимъ не повторять общепринятыхъ лозунговъ войны.

на такую жертву. На самомъ дѣлѣ жертвовать свою жизнь добровольно можно лишь за нѣчто такое, что въ сознаніи жертвующаго выше и дороже жизни. А чисто матеріальное благо не можетъ быть таковымъ. На вопросъ Керенскому, поставленный какимъ-то солдатомъ: „Зачѣмъ мнѣ земля и воля, если я завтра буду убитъ“,—нѣтъ и не можетъ быть отвѣта. Когда говорятъ, что люди умираютъ за отечество, то разумѣютъ не матеріальное благо отечества, а его честь, достоинство, его высшее призваніе и пр., словомъ, благо духовное, то, что народъ называетъ вѣрой, въ томъ смыслѣ, какъ про враговъ народъ говоритъ: „воюютъ за свою вѣру“. Если при этомъ и въ результатѣ войны получится для родины матеріальная выгода, то это вовсе не мѣняетъ дѣла,—люди все-таки не за это умирали

Что же касается идеологіи Св. Софіи въ Царьградѣ, то она одинаково чужда и народу и практическимъ политикамъ. Небольшой кружокъ людей, какъ Кн Ев Трубецкой, Дурылинъ и пр. создавали очень красивыя и талантливыя теоріи и рисовали картины на эту тему. Эти картины давали эстетическое и моральное удовлетвореніе избранной публикѣ, но весьма мало проникали въ народную толщу. Если уже искать, гдѣ по сознанію народному святыя мѣста, то они, конечно, окажутся не въ Турціи и Константинополѣ, а тамъ, гдѣ ихъ знаетъ весь христіанскій міръ,—въ Палестинѣ и Іерусалимѣ. Константинополь и проливы (нужны-то главнымъ образомъ проливы), какія бы идеализаціи ни

придумывать, имѣли и имѣютъ значеніе главнымъ образомъ торгово-промышленное и обще-экономическое.

И вотъ, въ то время, когда почти все культурное и образованное общество кричало „война до побѣды“, среди простого народа, совершенно чуждаго всей напыщенной и краснорѣчивой идеологіи войны подъ вліяніемъ все новыхъ наборовъ, все увеличивающихся реквизицій и отсутствія ясныхъ результатовъ войны, постепенно шагъ за шагомъ дѣлалось то, что можно назвать паденіемъ духа. Когда же этому конецъ? За что же убиваютъ, калѣчатъ, отдаютъ въ плѣнъ нашихъ дѣтей, мужей, отцовъ? На эти вопросы въ концѣ-концовъ народъ не получалъ никакого яснаго, успокаивающаго и удовлетворяющаго отвѣта. Пока православные люди еще могли вѣрить тому, что читалось въ церквахъ въ отвѣтъ на эти вопросы, а именно „что наши враги собрались, чтобы погубить насъ и разорить наши святыни, но что Ты, Господи, знаешь все, знаешь также, что они неправедно возстали на насъ“*). Пока это принималось безъ провѣрки, было ясно также за что умирать: и насъ самихъ хотятъ погубить и разорить Святыни наши и все это неправедно. Но когда отъ плѣнныхъ, писавшихъ

*) Славянскій текстъ этого мѣста, сочиненной св. Синодомъ молитвы еще въ началѣ войны таковъ: „Се бо врази наши собрашася на ны во еже погубити насъ и разорити святыни наши. Ты же, вся вѣдый, вѣси, яко неправедно возсташа на насъ“, и пр.

своимъ на родину, отъ возвращающихся съ фронта и тысячами иныхъ способовъ въ народъ стало проникать другое освѣщеніе дѣла, довѣріе къ призывающимъ воевать до сокрушенія враговъ стало понемногу падать, стало накопляться недоумѣніе, какъ это при такомъ многолюдствѣ народа, при такихъ разорительныхъ реквизиціяхъ нѣтъ никакого толка отъ войны, нѣтъ никакого отъ нея результата? Въ народѣ явно стали говорить объ измѣнѣ и предательствѣ. Въ измѣнѣ обвиняли всѣхъ и важныхъ генераловъ, и обѣихъ царицъ, и въ особенности лицъ, носящихъ нѣмецкія фамиліи. Сочинялись всяческія небылицы и затѣвались на этой почвѣ погромы и бунты. Эти акты народной дикости принимались какъ какое-то патріотическое дѣло, и изъ факта народнаго озлобленія дѣлался совершенно неправильный выводъ, что народъ непремѣнно и во что бы то ни стало желаетъ добить нѣмцевъ. Народъ страдалъ отъ требовавшихся отъ него жертвъ и волновался, видя, что всѣ его жертвы напрасны, что нѣтъ конца войнѣ, а многіе образованные и культурные люди воображали, что здѣсь проявляется нежеланіе мира до побѣды. Непониманіе это было роковымъ

Однако, правящіе круги уже начинали сознавать, что тутъ надо что-нибудь дѣлать, чтобы не дать совсѣмъ пасть народному настроенію. Еще при старомъ режимѣ стали говорить о вознагражденіи землей „чудо-богатырей“ и этою приманкою, впослѣдствіи открыто объявленной какъ „земля и

воля“ достигли прямо обратнаго результата—отбили всякую охоту воевать. Оно и не могло быть иначе, потому что тотъ же вопросъ солдата Керенскому: „зачѣмъ мнѣ земля и воля, если завтра меня убьютъ“, оставался безъ отвѣта,—пока, наконецъ, не былъ рѣшенъ уже большевиками въ томъ смыслѣ, что, дѣйствительно, если убьютъ, то ни земля ни воля не нужны, а потому не слѣдуетъ подвергать себя опасности смерти, а слѣдуетъ скорѣй прекратить войну съ внѣшними врагами и вести болѣе безопасную и болѣе выгодную со своими же согражданами, стараясь отъ всѣхъ имущихъ отобрать землю и, вообще, какъ можно больше всяческаго добра. Обозвавъ всѣхъ имущихъ „буржуями“, названіемъ для народа непонятнымъ, но выданнымъ и принятымъ за слово ругательное—большевики во имя непосредственнаго матеріальнаго блага кончали этимъ способомъ войну съ внѣшнимъ врагомъ. Большевики оказались болѣе послѣдовательными, чѣмъ какая-либо иная партія въ Россіи; они ясно поняли и опредѣленно сказали: матеріальныя блага, во-первыхъ, не стоятъ жизни, а, во-вторыхъ, добываются у себя дома упрощеннымъ соціализмомъ въ видѣ всяческаго грабежа, облеченнаго въ декреты и необлеченнаго въ декреты, гораздо легче, чѣмъ войной.

Когда въ ослѣпленіи націоналистической ненавистью и при полномъ непониманіи народнаго настроенія, русскіе образованные и просвѣщенные люди рѣшили во имя продолженія войны до побѣды возбудить къ бунту и неповиновенію

народныя массы и съ ихъ помощью свергнуть съ престола царя, тогда власть, попавъ сперва въ неумѣлыя руки, стала падать все ниже, пока, наконецъ, не спустилась до самыхъ низовъ народныхъ.

И тутъ явно начинается судъ Божій неизбѣжный и справедливый. Этотъ судъ еще не кончился, но пути его уже кажутся намѣченными.

Этотъ судъ неизбѣженъ, ибо даже разразившіяся надъ міромъ великія бѣдствія всемірной войны не заставили человѣчество опомниться и стремиться добровольно улучшить свою жизнь. Напротивъ того, сама война обращена была въ орудіе злыхъ человѣческихъ цѣлей и только судъ Божій можетъ помѣшать этому злу опять восторжествовать; потому онъ, этотъ судъ, и неизбѣженъ. Но судъ этотъ и справедливъ, ибо какъ разъ то именно, что народы должны были сдѣлать въ лицѣ своихъ правительствъ, образованныхъ и культурныхъ классовъ свободно,— и вопреки ясному требованію долга — отказались сдѣлать, — то принудительно заставляетъ ихъ дѣлать полудикая чернь со своими фанатизированными вождями.

А затѣмъ, насколько можно судить по обнаруженному уже, этотъ Божій судъ состоитъ, во-первыхъ, въ томъ, что всѣ придуманныя цѣли войны рушатся прахомъ; во-вторыхъ, наступаютъ послѣдствія войны неожиданныя и не въ сферѣ политической, вообще отходящей на второй планъ, а въ области соціальныхъ отношеній. Жизнь послѣ того урагана анархіи, какой бушуетъ теперь въ Россіи, сложится,

АННУЛИРОВАНО

вѣроятно въ иныя формы, чѣмъ была до войны и вопреки всеобщимъ стремленіямъ къ обогащенію создастъ матеріальную скудость, но, конечно, сравняетъ имущественныя различія среди населенія и, послѣ многихъ и долгихъ страданій, которыя легко могли бы быть избѣгнуты, дастъ, безъ сомнѣнія, торжество всепобѣдному добру.

Но сохранимъ ли мы при этомъ духовное наслѣдіе отцовъ нашихъ? Не погибаетъ ли оно уже? Изъ-за упорнаго самомнѣнія и исключительнаго преклоненія предъ великой Россіей не губимъ ли мы и святую Русь?

Такъ что же дѣлать теперь?

II.

Несмотря на грозные признаки глубокаго разложенія нашего государства, мы все же не имѣемъ еще ни права ни достаточнаго основанія считать отечество наше совершенно и безвозвратно погибшимъ, а потому не можемъ и не должны бездѣйствовать въ дѣлѣ его спасенія.

Однако мы утверждаемъ, что гибель Россіи предотвратить можно теперь только однимъ путемъ: добровольнымъ подчиненіемъ явному суду Божію и свободнымъ исполненіемъ того, что этотъ судъ требуетъ.

Современному сознанію такое требованіе и чуждо и не ясно Оно чуждо ему потому, что сама идея

суда Божія по примѣненію къ оцѣнкѣ современныхъ событій кажется даже для вѣрующихъ чѣмъ-то произвольнымъ, не научнымъ и во всякомъ случаѣ слишкомъ необычнымъ, а для невѣрующихъ просто ничего не говоритъ. Но пусть тогда судъ Божій назовется судомъ исторіи, что уже привычнѣе для современнаго уха—дѣло отъ этого не измѣнится. Людей со смысломъ, отрицающихъ всякій смыслъ исторіи, а слѣдовательно и возможность оцѣнки событій съ точки зрѣнія этого смысла, т.-е. судъ исторіи—конечно найдется немного и приведенная постановка вопроса перестанетъ быть столь чуждой, какъ она могла казаться съ перваго взгляда. Но она остается неясной для современнаго сознанія потому, что въ значительной степени утрачена привычка вдумываться въ происходящія событія съ точки зрѣнія с в о е й за нихъ отвѣтственности. Ясное нравственное требованіе затемняется исканіемъ выхода болѣе легкаго, кажущагося съ перваго взгляда болѣе разумнымъ и даже болѣе цѣлесообразнымъ. Привычка все сводить къ причинамъ порядка чисто матеріальнаго незамѣтно такъ укоренилась, что уже безсознательно мѣшаетъ видѣть болѣе глубокія и болѣе основныя причины совершающагося. Обычно разсуждаютъ такъ: несчастія наши происходятъ просто оттого, что мы потерпѣли пораженіе, а враги наши побѣдили; мы же не побѣдили потому, что сперва не было у насъ орудій и снарядовъ въ требуемомъ количествѣ, а потомъ, когда все это явилось даже въ избыткѣ, явился также знаменитый

приказъ № 1 и прочіе распоряженія, уничтожившія почти цѣликомъ нашу армію. Разсужденіе это само по себѣ безспорно, но безспорно также, что не въ этомъ вся причина, что этимъ ничего какъ слѣдуетъ не можетъ быть объяснено. Конечно, никто не станетъ отрицать рѣшающаго (при другихъ равныхъ условіяхъ) значенія техники въ современной войнѣ и такого же значенія в н ѣ ш н е й силы, которой наносится ударъ непосредственно. Но техника и физическая сила не возникаютъ сами собой, а созданные в н у т р е н н и м и усиліями людей, дають весьма различные результаты въ зависимости отъ того, кто и какъ ими управляетъ. Разумѣется безъ орудій, снарядовъ и прочихъ военныхъ снаряженій никакой воинскій успѣхъ невозможенъ, но и при наличности и даже избыткѣ всего этого возможны и неудача и даже пораженіе. Нѣсколько странно, что приходится напоминать теперь эти элементарныя истины, иллюстрируемыя обычно классическимъ примѣромъ побѣды древнихъ грековъ надъ персидскими полчищами, но современныя теченія, кажется, могутъ характеризоваться лучше всего именно забвеніемъ основныхъ, прописныхъ истинъ.—Что же касается приказа № 1, то онъ также не съ неба свалился, а явился слѣдствіемъ того настроенія, противъ котораго многіе годы лучшая часть русскаго общества не находила нужнымъ бороться. Если бы не было приказа № 1, былъ бы какой-нибудь другой приказъ за другимъ номеромъ и результатъ былъ бы тожественъ.

Между тѣмъ, стоитъ искренно и добросовѣстно поставить предъ собою вопросъ о томъ, къ чему, къ какимъ дѣйствіямъ въ цѣляхъ спасенія родины обязываетъ насъ общій смыслъ протекающихъ событій, чтобы послѣ недолгаго размышленія, прійти къ ясному сознанію своего несомнѣннаго долга въ этой области.

Если въ началѣ войны, ослѣпленные казавшимся ничѣмъ съ нашей стороны не вызваннымъ нападеніемъ Германіи, русскіе образованные люди вовсе не чувствовали себя отвѣтственными за происходящее, если затѣмъ русское образованное общество, отуманенное воинственными кликами и радужными перспективами начинавшихся воинскихъ успѣховъ, соблазнялось мечтами о легкой побѣдѣ и даже о какомъ-то воображаемомъ благѣ, которое оно призвано дать германскому народу, если, наконецъ, по мѣрѣ продолженія войны, жестокое въ ней упорство и растущая ненависть къ врагу, поощряемыя въ насъ нашими союзниками, казалось, служили только на пользу отечеству,—то нынѣ, когда само это отечество, раздираемое на части и обезсиленное, гибнетъ,—уже нельзя найти оправданія упрямому нежеланію сойти съ того пути, несостоятельность и неправда котораго должны быть очевидны.

Никакими словесными ухищреніями, никакими протестами, ни даже забастовками, высшіе и просвѣщенные слои русскаго общества не въ состояніи снять съ себя отвѣтственности за дѣла низшей непросвѣщенной части населенія, за разрушеніе

государства, учиняемое сбитымъ съ толку простонародьемъ. Что это такъ, что отвѣтственность остается на болѣе образованной, на болѣе просвѣщенной части народа, помимо всякихъ разсужденій, подсказываетъ простое естественное чувство. Мы не можемъ не стыдиться того, что происходитъ у насъ, намъ совѣстно смотрѣть иноземцамъ въ глаза и мы отлично понимаемъ, что слѣдующія за нами поколѣнія будутъ судить насъ, людей образованныхъ, конечно, строже, чѣмъ самихъ разрушителей. Но если это такъ, если на самомъ дѣлѣ мы оказываемся отвѣтственными за приближающуюся гибель нашей родины, то мы должны признать, что съ нашей стороны было допущено что-то неправильное или упущено что-то нужное, словомъ, была и есть какая-то опредѣленная вина съ нашей стороны. Остается отыскать эту вину и ее исправить.

Но здѣсь стережетъ насъ еще другой соблазнъ. Обыкновенно, когда рѣчь заходитъ о винѣ цѣлыхъ слоевъ населенія, принято говорить объ упадкѣ нравственности вообще, о всякихъ общихъ грѣхахъ, порокахъ и недостаткахъ среди этихъ слоевъ общества. Однако, такія рѣчи способны только прикрыть или даже совсѣмъ закрыть тотъ самый грѣхъ, ту самую конкретную вину, которую прежде всего слѣдуетъ отыскать. Всякіе грѣхи и пороки свойственны всѣмъ людямъ и, конечно, имѣются въ каждомъ человѣческомъ обществѣ въ избыткѣ. Поэтому и призывы къ покаянію въ грѣхахъ вообще, при всемъ своемъ значеніи, никогда ни въ чемъ

никого не обличаютъ, остаются для всѣхъ безобидными и за очень немногими исключеніями не приносятъ плода. Таково ужъ свойство человѣка, что ему легче бываетъ признать за собой какой угодно грѣхъ и сколько угодно грѣховъ, лишь бы не тотъ именно, который охватываетъ въ данный моментъ его душу. И это отчасти потому, что сознаніе своего даннаго душевнаго состоянія, какъ ложнаго, дурного и грѣховнаго, должно вызвать усиліе воли къ его уничтоженію, что бываетъ тяжело и больно, но вмѣстѣ съ тѣмъ есть какъ разъ то, что называется плодомъ покаянія. Задача, слѣдовательно, въ томъ и состоитъ, чтобы добиться именно этого плода, т.-е. устраненія той охватившей насъ неправды, изъ-за которой становятся возможными наши великія бѣдствія.

Не касаясь глубокихъ корней этой неправды, то ея обнаруженіе, которое господствовало все послѣднее время и, къ несчастью, еще теперь господствуетъ среди просвѣщенныхъ русскихъ людей, то именно, что надо прежде всего устранить, выражается въ ложномъ отношеніи къ теперешней войнѣ, изъ-за возведеннаго въ принципъ національнаго эгоизма. Отказаться отъ этого отношенія, взглянуть на дѣло не въ исключительномъ сознаніи своей правоты и не въ самомнѣніи, не со стороны осужденія во всемъ только однихъ враговъ и не съ точки зрѣнія безотчетной вѣры въ главенство матеріальныхъ силъ — значитъ совершить подвигъ, требуемый судомъ Божіимъ, о коемъ у насъ идетъ рѣчь. Но какъ же это сдѣлать?

Государственная власть попала въ руки неопытныхъ случайныхъ людей, возбуждающихъ грубыя и низменныя чувства въ населеніи и прямую ненависть къ людямъ мало-мальски имущимъ. Власть эта вмѣстѣ съ тѣмъ обѣщала народу прекращеніе войны. Все просвѣщенное русское общество, всѣ маломальски подготовленные къ управленію государственными дѣлами, почти вся интеллигенція наша,— все это отстранено, или само отстранилось отъ дѣлъ власти. Иначе и не могло быть, ибо захватившіе власть большевики стремятся прекратить международную войну только для того, чтобы тѣмъ легче предаться войнѣ классовой. Тотъ же духъ ненависти и злобы перепосится съ врага національнаго на выдуманнаго ими врага соціальнаго. Пусть въ этомъ имъ и не помогаютъ просвѣщенные русскіе люди. Но врядъ ли они въ правѣ ограничиться здѣсь однимъ отрицательнымъ отношеніемъ къ дѣлу. Они должны выступить активно и побороть тотъ развратъ власти, который губитъ страну.

При существующихъ условіяхъ для русскаго общества здѣсь есть только одинъ способъ. Онъ состоитъ въ томъ, чтобы выступить со знаменемъ мира во имя мира, мира во имя разума и совѣсти, мира во имя любви, мира во имя Божіе. Просвѣщенная часть русскаго народа должна открыто на весь міръ предъ врагами и союзниками принять и исповѣдовать ту бьющую въ глаза истину, что дальнѣйшая война среди цивилизованныхъ государствъ есть не только гибель мно-

жества людей, цѣлыхъ армій и даже отдѣльныхъ государствъ, но и гибель самой цивилизаціи, самой культуры христіанской, что при дальнѣйшемъ упорствѣ въ продолженіи войны, дикая чернь захватитъ власть во всей Европѣ, какъ она уже ее захватила у насъ, и разрушитъ все. Русское общество должно встать на защиту этой истины и примкнуть къ той миротворческой задачѣ, за которую брался въ самый разгаръ борьбы глава западной христіанской церкви и противодѣйствовать которой, къ великому нашему позору, согласились мы и наши союзники въ актѣ, подписанномъ въ Лондонѣ при вступленіи въ войну Италіи *).

Въ такомъ выступленіи, въ такой „перемѣнѣ ориентаціи“ будетъ заключаться исполненіе той нравственной обязанности нашей, которая вытекаетъ изъ смысла всѣхъ совершающихся вокругъ насъ событій.

Но можетъ оставаться неяснымъ, почему же исполненіе именно этой обязанности можетъ спасти Россію, почему, если вѣрно, что дикая чернь уже заполонила государство наше, она, эта чернь, уступитъ водительство послѣ такой перемѣны просвѣщеннымъ классамъ, почему при этомъ отпадающія части Россіи соберутся опять воедино? Такъ конечно въ правѣ спросить всякій. Прежде всего надо сказать, что, если вѣрно, что ближайшая наша нравственная обязанность состоитъ именно въ ука-

*) Актъ этотъ напечатанъ въ числѣ другихъ опубликованныхъ большевиками секретныхъ дипломатическихъ документовъ въ Извѣстіяхъ Совѣта рабоч. депутатовъ

занномъ выступленіи, то какія бы послѣдствія тутъ ни ожидались, эту обязанность слѣдуетъ выполнить. Вѣрующіе въ торжество правды, конечно, признаютъ, что исполненіе нравственной обязанности вообще никогда не пропадало и не пропадетъ даромъ, и, если при этомъ еще останется тревога за великую Россію, то не за Святую Русь. Но этого общаго замѣчанія, конечно, недостаточно и слѣдуетъ еще оправдать такое убѣжденіе разумными соображеніями, что въ данномъ случаѣ кажется сдѣлать вполнѣ возможно.

Легко, конечно, доказать, что для спасенія Россіи, между прочимъ, необходимо, какъ можно скорѣй, прекратить войну, разорившую насъ физически и морально, но дѣло въ томъ, что теперь фактически война уже прекращена и во всякомъ случаѣ намъ вести ее дальше можно лишь только на словахъ, а не на дѣлѣ. Какое же значеніе для спасенія Россіи можетъ имѣть при такомъ положеніи вещей предполагаемое выступленіе въ пользу мира? Оно какъ-будто и запоздало. Однако фактическое окончаніе военныхъ дѣйствій между нами и нашими врагами, во-первыхъ, не есть еще миръ и, во-вторыхъ, не есть вовсе прекращеніе войны въ Европѣ. Между тѣмъ, чтобы была какая-нибудь надежда помочь Россіи стать на ноги, необходимъ миръ во всей Европѣ. Только когда въ Европѣ прекратится эта война, когда одни народы перестанутъ считать своимъ священнымъ долгомъ вредить другимъ народамъ, только тогда цивилизованные люди будутъ

въ состояніи дѣйствительно встать на защиту тѣхъ сокровищъ культуры, которыя теперь гибнутъ и гибель которыхъ въ пылу борьбы еще почти не замѣчается Тогда и намъ, конечно, легче будетъ справиться съ той разрухой, развитіе которой грозитъ всему міру.

До сихъ поръ, однако, наши союзники и враги знаютъ лишь, что люди, захватившіе теперь власть въ Россіи, и соблазненное ими простонародье по соображеніямъ крайне низменнымъ не хотятъ болѣе воевать, а что думаютъ русскіе люди, составляющіе умственное и нравственное ядро Россіи, они не знаютъ въ точности, но имѣютъ всѣ данныя предполагать, что это ядро не отказалось вовсе отъ общепринятыхъ между союзниками лозунговъ войны до побѣднаго конца. Между тѣмъ требуется ясно и твердо высказать, что, независимо отъ фактической возможности или невозможности продолжать войну, Россія людей образованныхъ и просвѣщенныхъ, причастныхъ европейской цивилизаціи, не только отказалась отъ этихъ лозунговъ, но выступаетъ со знаменемъ совершенно противоположнымъ. Развѣ это останется незамѣтнымъ союзникамъ? Развѣ это не окажетъ вліянія на ихъ образъ дѣйствій? Развѣ этотъ призывъ къ миру со стороны лучшей части Россіи непремѣнно долженъ остаться гласомъ вопіющаго въ пустынѣ? Нѣтъ никакихъ основаній такъ думать. Напротивъ того, союзники, во-первыхъ, узнаютъ навѣрное, что вся Россія стремится къ миру и въ военномъ отношеніи такъ-сказать совер-

шенно безнадежна, въ чемъ они до сихъ поръ не увѣрены; во-вторыхъ, что мы не только не хотимъ сами воевать, но считаемъ долгомъ нашимъ, во имя спасенія самаго духовно-нравственнаго достоянія человѣчества, всемѣрно настаивать на скорѣйшемъ прекращеніи войны въ Европѣ.

Но съ другой стороны для нашихъ внутреннихъ дѣлъ, какое громадное значеніе можетъ имѣть такое выступленіе! Нашъ сбитый теперь съ толку народъ, вѣдь, главнымъ образомъ соблазненъ былъ большевиками тѣмъ, что они рѣшительно и опредѣленно сулили окончаніе войны. Всѣ другія партіи при всемъ своемъ различіи сходились въ одномъ—въ желаніи продолжать войну. Къ какой же партіи примкнуть человѣку, дѣйствительно возненавидящему эту войну, каковыхъ среди народа множество? Конечно большевики соблазняли и не однимъ миромъ; однако землей и волей соблазняли и другія партіи. Побѣдили же большевики И побѣдили потому, что, несмотря на всю ненависть и злобу, которую они вносятъ во внутреннюю жизнь государства, они сорвали войну, сорвали злобу международную.

И вотъ искреннее и добросовѣстное стремленіе просто уничтожить ненависть и злобу, не перенося ее никуда изъ области международной, можетъ стать среди русскаго общества не только здоровымъ, но и оздоровляющимъ теченіемъ. И тутъ имѣются всѣ разумныя причины предполагать, что это теченіе захватитъ значительную часть еще не совсѣмъ потерявшаго голову простого народа.

А съ нимъ вмѣстѣ, сильные сознаніемъ той правды, во имя которой выступаютъ, и того добра, какое несутъ міру, русскіе образованные люди, принявшіе подвигъ исполненія суда Божія, найдутъ въ себѣ силы спасти и родину. Тогда не будетъ чудомъ, что отпавшія части Россіи захотятъ опять вернуться подъ общую державу. И судъ Божій — судъ исторіи оправдается какъ истинный, праведный и разумный.